

МОРСКОЙ СПЕЦНАЗ

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

БОЦМАН ПОДВОДНАЯ ОДИССЕЯ

Морской спецназ

Сергей Зверев

Подводная одиссея

«ЭКСМО»

2013

Зверев С. И.

Подводная одиссея / С. И. Зверев — «Эксмо», 2013 — (Морской спецназ)

ISBN 978-5-699-63478-1

В нейтральных водах Японского моря неизвестными был похищен новейший батискаф «Русский витязь». Военные бьют тревогу: аппарат под завязку напичкан секретным оборудованием, и если он попал в руки потенциальных врагов, последствия будут катастрофическими. Но еще не все потеряно. Для того чтобы детально разобраться в сложнейшем оборудовании, похитителям потребуется время. Основная задача сейчас – не дать им этого времени. Адмирал Нагибин отправляет на поиски батискафа капитан-лейтенанта Саблина по прозвищу Бодман. Ему поручено вернуть аппарат на российскую военно-морскую базу, и как можно быстрее...

ISBN 978-5-699-63478-1

© Зверев С. И., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

1	6
2	9
3	15
4	21
5	23
6	26
7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей Зверев

Подводная одиссея

© Зверев С., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

1

Испытательное погружение сверхглубинного подводного аппарата происходит вовсе не так помпезно, как некоторые представляют. Это не отход подводного атомохода в длительную «автономку» – с цветами, оркестром и торжественными речами. Никто не машет платочками с пирса, никто не вытирает слезы с глаз, никто не поднимает над головами детей... Все буднично: загрузили аппарат на специальное транспортное судно, вышли в заданный квадрат с заданной глубиной, подцепили СПА на подъемник – и на водную поверхность.

А уж дальше все зависит от навыков экипажа и надежности самого аппарата. Впрочем, всевозможные случайности также не стоит сбрасывать со счетов: ведь океан всегда непредсказуем...

Медно-красное солнце величественно поднималось над гладью Японского моря. Водная поверхность, по которой переливчатой рябью рассыпался бриз, казалась голубым шелком, расшитым солнечными нитями. Бесконечные просторы полнились блеском красок. И даже серый военный транспортник с бортовым номером «717», напоминающий скорее плавучий док, чем корабль, смотрелся теперь не таким угрюмым, как еще несколько часов назад у владивостокского пирса.

Транспортник дрейфовал в нейтральных водах, незаметно впадая в циркуляцию. От ветра сухо трещал Андреевский стяг за кормой. На палубе суетилась техническая обслуга. Ярко-оранжевый аппарат, подобный гигантской сигаре, уже висел на тросах, и мощный подъемник осторожно направлял его в сторону моря. На носу сигарообразного аппарата, рядом с надписью «Русский витязь», поблескивал огромный стальной манипулятор, неуловимо напоминавший клешню камчатского краба, сильно увеличенную в размерах. Натужно урчал электромотор подъемника, скрипели тросы. Палубная команда внимательно отслеживала все перемещения загадочного аппарата, существующего пока еще только в одном экземпляре: не дай бог, сорвется в волны.

Стоявший на мостике пожилой лысеющий мужчина в штатском сосредоточенно курил, то и дело бросая в сторону аппарата напряженные взгляды. Табачный дым явно раздражал некурящего спутника – высокого каплея с квадратной челюстью и прямым взглядом серых глаз, однако офицер ничем не выказывал своего недовольства.

– Ну что, Виталик, волнуешься? – вполголоса поинтересовался штатский.

– Скорей – завидую, – кивнул капитан-лейтенант, глядя, как батискаф опускается к уровню воды.

– Завидуешь друзьям? Понимаю, я тоже нашему инженеру завидую. Но поделаться ничего не могу. У нас приказ, а приказы не обсуждают. Друзья погружаются, мы остаемся. Я отвечаю за техническую сторону погружения, ты – за все остальное.

Ветер постепенно усиливался. Транспортник неспешно переваливался с волны на волну. Огромное полотнище флага за кормой захлопало, будто пушка. На поверхности моря все чаще вскипали белые гребешки, и это не предвещало ничего хорошего.

– Они там что, в штабе флота – метеосводку не читали? – обеспокоился капитан-лейтенант.

– Как всегда – бардак в любимом ведомстве, – проговорил штатский. – Из Штаба Тихоокеанского флота пришла одна метеосводка, а наше КБ получило абсолютно другую. Мы-то привыкли пользоваться японскими метеосводками, они самые надежные. В любом случае, погружение в назначенное время никто не отменял.

Тем временем глубоководный аппарат лег на воду. Техническая обслуга отцепила тросы. Спустя несколько минут вокруг веретенообразного корпуса появилось радужное пятно от сбрасываемого из цистерны бензина. Погружение началось...

Основное отличие управляемого глубоководного аппарата от подводной лодки – именно в принципе погружения. Субмарины погружаются на заданную глубину при помощи специального клапана вентиляции в балластных цистернах. Достаточно открыть клапан и принять вместо воздуха забортную воду – и подлодка опускается под воду. А вот в управляемых глубоководных аппаратах балластные цистерны не предусмотрены. Ведь подобные аппараты, как правило, предназначены для одиночного погружения, после чего они обычно всплывают рядом с плавбазой. А потому роль балластных цистерн выполняет специальный поплавко-резервуар с бензином, который, по законам физики, легче воды. Для погружения бензин осторожно выпускается наружу, и он замещается в поплавке водой. Выглядит, конечно, как страшный сон эколога. За одно погружение за борт сбрасывается пара сотен тонн нефтепродуктов, которые по тем же законам физики оказываются на поверхности моря. Но и это обстоятельство учли разработчики. Для балласта использовался бензин высочайшей очистки, который, оказавшись на волнах, бесследно испарялся в течение нескольких часов, не нанося Мировому океану ни малейшего вреда. Погрузился хоть на пять километров, выполнил глубоководное задание – и сбрасывай в море балласт. Как правило, это контейнеры со стальной дробью, сброс которой осуществляется при помощи обычных электромагнитов. Выбросил в море лишний груз – и возвращайся на поверхность, в мир соленого бриза и парящих над водой чаек.

В то ветреное июльское утро в нейтральных водах Японского моря проводились первые океанические испытания новейшего управляемого глубоководного аппарата «Русский витязь». Конструкторскому бюро, создавшему это чудо техники, было чем гордиться. Аппарат, оборудованный новейшей электроникой, видеокамерами, манипуляторами и химическими экспресс-анализаторами, мог перемещаться под водой как под управлением гидронавта, так и совершенно автономно, на автопилоте. Корпус, выполненный из сверхпрочных композитных материалов, позволял погружаться на любую глубину – хоть на самое дно Марианской впадины. По замыслу КБ, сконструировавшего СПА, в самом недалеком будущем «Русский витязь» как раз и следовало отправить в самую глубокую точку Мирового океана. Все зависело от первого, пробного погружения на относительно небольшую глубину – две тысячи метров. В будущем этот уникальный подводный челнок можно было бы использовать где угодно – для донной разведки, в морской биологии, геофизике, археологии и даже для подводного туризма. Однако приоритет, конечно же, отдавался Военно-морскому флоту – «Русский витязь» стал бы незаменимым помощником при спасении экипажей аварийных подлодок.

А потому экипаж был подобран именно с учетом последнего пункта: кроме инженера конструкторского бюро, в качестве гидронавтов были задействованы и двое спецназовцев ВМФ – старшие лейтенанты Николай Зиганиди и Екатерина Сабурова. Кому, как не боевым пловцам, оценивать достоинства и недостатки «Русского витязя»? Да и само задание выглядело не очень сложным: погрузиться на дно, сделать видеозаписи и фотоснимки (для подводных съемок предполагалось задействовать сверхмощный прожектор) и, по возможности, взять пробы донного грунта и воды. А вот капитан-лейтенанту Виталию Саблину, более известному в специфических флотских кругах под прозвищем Боцман, повезло меньше: по мнению командования, он вместе с генеральным конструктором КБ должен был контролировать подчиненных исключительно по приборам...

...На палубе сделалось непривычно тихо, хотя в ушах по-прежнему звучало урчание подъемника. Волны дробили огромное радужное пятно рядом с транспортником. Ветер стал пробираться, и генеральный конструктор, докурив очередную сигарету, обернулся к Боцману.

– Ну что – в рубку?

Окурок он тщательно загасил, следя за тем, чтобы искорки не понесло ветром в море. Бензин, хоть и имел специальные присадки, увеличивавшие температуру возгорания, но рисковать – испытывать его на воспламенение в реальных условиях – не следовало.

Саблину совершенно не хотелось идти в рубку. Однако генконструктор выглядел уставшим и сумрачным, словно совершившим тяжелый подвиг. Этого человека не следовало оставлять в одиночестве – тем более что единственным, с кем он имел право говорить о погружении, был Боцман.

Связи с гидронавтами пока не было: экипаж еще не настроил приборы. Так что оставалось одно: отслеживать погружение «Русского витязя» по экрану эхолота.

Впрочем, погружение проходило без проблем. Мерцающая светло-зеленая точка на мониторе медленно, но верно смещалась вниз. В верхнем же углу экрана бесстрастно отщелкивали цифры: «минус 100 метров», «минус 150», «минус 200»...

Глубоководный аппарат погружался очень медленно и достиг дна лишь спустя полтора часа.

– Фу-у-у... – тяжело выдохнул из себя генеральный конструктор. – Считаю, половину дела сделали.

– Вроде пока у нас никаких проблем, – осторожно предположил Боцман.

– Техника проверена сто раз – и на стенде, и в бассейне, и на мелководье, – напряженно пояснял конструктор, словно бы оправдываясь. – Единственная опасность, которая может нас ожидать, – обрывки рыбацких сетей. Но этот район вроде не особо популярен у промысловиков. Так что, надеюсь, никаких форс-мажоров не предвидится.

Форс-мажор, однако, случился спустя всего каких-то пятнадцать минут и связан был как раз с промысловиками. Радист транспортника «717» неожиданно засек явственный сигнал бедствия, подаваемый рыболовным судном под сингапурским флагом. Судно терпело бедствие в каких-то шести морских милях отсюда: пожар, с которым команда не может справиться самостоятельно.

О том, чтобы не откликнуться на этот сигнал, не могло быть и речи. Однако сам транспортник, по понятным причинам, не мог отправиться к аварийному судну – ведь это означало бы бросить спускаемый глубоководный аппарат на произвол судьбы. Никаких иных кораблей в этом районе Японского моря не наблюдалось. Естественно, командир транспортника с бортовым номером «717» без промедления связался со Штабом Тихоокеанского флота и коротко проинформировал о ЧП. Там отреагировали довольно быстро – мол, срочно выслать к терпящему бедствие судну катер со спасателями и врачами. Промедление было смерти подобно: ведь с терпящего бедствие судна сообщалось об открытом огне на палубе, а это, наверное, самое страшное, что только может случиться на корабле.

– А давайте мы на катере, – предложил Боцман. – Может, успеем... Пока погода окончательно не испортилась.

Это был оптимальный вариант решения вопроса – ведь почти весь экипаж транспортника был занят.

Надувной катер с подвесным мотором был спущен на воду за несколько минут. На борт спешно загрузили спасательные жилеты, индивидуальные пакеты, одеяла и пресную воду. Компанию Саблину составили еще трое свободных от вахты моряков – безусый парнишка лейтенантских годов, немолодой усатый мичман и, конечно же, судовой врач. Последний на всякий случай захватил даже хирургические инструменты: как знать, может быть, пострадавших пришлось бы оперировать прямо в открытом море?!

Шесть морских миль можно было бы преодолеть меньше чем за час, но непогода наверняка бы внесла коррективы... Теперь ветер с каждой минутой заметно свежел, и потому спустить надувной катер с палубы оказалось делом весьма непростым. Однако опытная палубная команда знала свое дело. Отвалив от борта транспортника, катер взревел двигателем. Серая вода под носом вспенилась и тут же разделилась на две волны. Упруго подсакивая на белесых барашках, катер помчался в юго-восточном направлении, откуда по-прежнему очень настойчиво звучал сигнал бедствия...

2

Большинство людей знакомо только с поверхностью моря. Даже профессионалы-акванавты редко когда опускаются на глубины свыше сорока метров. А между тем, по сравнению с этими сорока метрами, океан кажется бездонным. Самая глубокая впадина уходит вглубь более чем на девять километров. У специалистов в ходу даже особый термин – гидрокосмос. И этот термин справедлив. Океанические глубины так же мало освоены, как и межпланетное пространство. Для проникновения в него нужны аппараты, сравнимые по сложности с космическими кораблями, а кое-где и превосходящие их. Погружения на огромные глубины так же опасны, как и космические полеты. А число глубоководников сравнимо с числом космонавтов...

Дневной свет остался далеко позади, за иллюминатором царил крошечная подводная ночь. Тускло мерцали мониторы, обливая сосредоточенные лица глубоководников призрачно-мертвенным светом. Еле различимо гудели мощные электродвигатели, удерживающие аппарат на заданной глубине. Вести такое чудо техники – настоящее искусство. Такому быстро не научишься. Инженер КБ Марат Петрович Плахин двумя пальцами сжимал рукоятку джойстика и еле заметными движениями корректировал передвижение глубоководного аппарата. Коля Зиганиди и Катя Сабурова пока оставались без дела, всецело доверившись профессионализму инженера. Они прошли специальные тренировки, многое знали о возможностях аппарата, могли управлять им в испытательном бассейне, но управлять первым реальным погружением все же было предоставлено Плахину.

Мощный прожектор, установленный на верху «Русского витязя», вспарывал темноту. Изредка в поле его действия вспыхивала всеми цветами радуги стайка глубоководных рачков, проплывали необычного вида рыбы. Все трое акванавтов следили за показаниями приборов. Аппарат достойно выдерживал колоссальные нагрузки.

– Есть две тысячи метров, – спокойно доложил Марат Петрович на борт «717». – Продолжаем погружение.

– Вас понял, – прозвучал из динамика голос генерального конструктора.

Плахин замедлил погружение, по показаниям эхолота до дна оставалось несколько десятков метров. Понятие дна в океане временами очень относительно. Не всегда это скальные породы или песок. Иногда им оказывается многометровый слой донной взвеси, в котором можно увязнуть, словно в болоте. И не дай бог войти в него при скоростном погружении: чем глубже уйдешь, тем меньше останется шансов выбраться из него.

Теперь уже луч прожектора бил вниз. О близости дна говорило то, что за толстым выпуклым стеклом иллюминатора словно мела метель. Освещенные ярким светом частички казались густым снегом. Наконец аппарат завис в нескольких метрах от дна.

Первое, что увидели акванавты на дне океана, – это стеклянную бутылку. Покрытая белесым налетом, она нагло торчала горлышком из мягкого песка.

– Вот она, сегодняшняя экология. Нога человека тут еще не ступала, а мусор уже наблюдается, – нахмурился Плахин. – Эх, люди, люди...

– Однако, – с усмешкой проговорил Зиганиди. – И кто это додумался бухать на двухкилометровой глубине? Что-то граненого стакана рядом не видно.

– Похоже, это давно было, еще в советские времена, – оживилась Катя. – Бутылка, кажется, «ноль семь», из-под портвейна. Непорядок. Придется начинать с уборки. Заодно и манипулятор проверим в действии.

– Почему, если пустая бутылка, то считается, что ее наши соотечественники выбросили? – возмутился Зиганиди. – Непатриотично. Может, японцы виноваты?

Сабурова надела на руку подобие перчатки, от которой к центральному компьютеру тянулся оптоволоконный кабель.

– Дорогое удовольствие – иметь такого «дворника», – улыбнулся в бородку-эспаньолку Плахин. – Вы, Катя, прошли курс управления манипулятором, знаете все его достоинства и недостатки. Начали. – Он медленно двинул аппарат к подводному мусору.

Катя неторопливо сгибала пальцы, принаравливаясь к дистанционному управлению гидроманипулятором. За иллюминатором показалась металлическая «крабовая клешня», повторяющая все движения руки Сабуровой. Вот только радиус действия был немного большим.

Первая попытка оказалась неудачной. Манипулятор прошел в полуметре от бутылки, схватив пустоту и подняв фонтанчик ила.

– Вы, Катя, одним глазом за иллюминатором смотрите, вторым перед собой. Представляйте себе бутылку прямо здесь, в кабине. Только меньших размеров, пропорционально манипулятору. Тогда все получится, – подсказал Марат Петрович.

– На имитационном стенде все было куда проще, – ответила Катя.

Она мысленно представила перед своей рукой, одетой в перчатку с электронной начинкой, маленькую, со спичечный коробок, бутылку, стала приближать к ней пальцы.

– Получается, – комментировал Зиганиди, глядя в иллюминатор. – Неплохое подназвание для статьи в желтой газете получилось бы: «Российские подводные спецназовцы даже на дне морском собирают бутылки».

– Не подкалывай, рука у меня и так подрагивает, – с улыбкой отозвалась Сабурова.

– Нежнее, – подсказывал Плахин. – Не раздавите стекло, оно хрупкое. Манипулятор на концах захвата может развивать давление не меньше тонны.

– Самое интересное, что я чувствую пальцами сопротивление объекта, – могу регулировать давление на него пальцами. А теперь переходим в автоматический режим. – Сабурова, снимая электронную перчатку, вздохнула с облегчением.

Манипулятор действовал уже в автоматическом режиме. Он, бережно удерживая бутылку, поднес ее к контейнеру для сбора образцов и уложил в него.

– Скоро ты так натренируешься, что сможешь с помощью этой клешни спички зажигать, – съязвил Зиганиди.

– И даже гасить, – заявила Катя, помахав в воздухе рукой, словно тушила спичку.

– С огнем на борту не шутят. Если пожар на надводном судне – это кошмар, то на подводном типа нашего – верная смерть. До планового всплытия остается три часа двадцать минут, – напомнил инженер. – Идем по графику.

Плахин щелкал клавишами. Видимость за иллюминатором была не ахти, мешала придонная взвесь, по большей части приходилось полагаться на показания приборов. Все, что возможно, на «Русском витязе» было визуализировано при помощи компьютера. Тут не приходилось вручную высчитывать, сопоставлять. Практически вся информация выводилась на главный экран в виде доходчивой картинки и цифр. При желании простым щелчком клавиши мыши можно было уточнить любое показание, определить расстояние, глубину. Разные оттенки цветов обозначали и температуру воды, и скорость течения. Для лучшего восприятия рельефа все изломы, выпуклости давались в виде объемной белой сетки.

По большому счету, задачей сегодняшнего погружения являлось испытание работы приборов в реальной обстановке. Никаких донных работ не предусматривалось, но... и не запрещалось.

– Марат Петрович, – обратилась Катя к Плахину, указывая на затемнение в глубине экранного изображения. – А что здесь?

– Вот и я думаю. – Инженер «колдовал» с оборудованием, пытаясь вытянуть из него все возможное.

В глубине экрана виднелось что-то вроде скалы, возвышающейся над песком. Изображение, обрабатываемое специальной программой, становилось все более четким.

– По-моему, затонувший корабль, – высказал предположение Зиганиди.

– Перед испытаниями мы собирали материал на этот квадрат. Крупных кораблекрушений тут никогда не фиксировалось, – произнес Плахин.

Отдельного разрешения на подход к «скале» не требовалось. Главное условие, поставленное перед испытателями, – оставаться на заданной глубине. Уже потом по записям в памяти компьютера специалисты в деталях воссоздадут картину погружения и всплытия. Вот Плахин и решил проявить инициативу.

«Русский витязь» неторопливо заскользил над дном. На этот раз вел его автопилот, который просто следил за тем, чтобы повторять рельеф. Песок под аппаратом напоминал стиральную доску – параллельные частые волны. Над ним колыхался тонкий слой органических остатков. Все живое в море неизбежно с течением времени становится мертвым. И то, что не досталось на обед многочисленным жителям подповерхностных вод, опускается на дно, медленно распадается, поглощается глубоководными рачками, червями и рыбами. Тут вполне могут оказаться рядом и туша кита, и выпитая бутылка из-под вина.

– Неприветливый пейзаж, – передернула плечами Катя. – Не хотелось бы здесь проводить отпуск.

– Экстремальный туризм сегодня в моде, – возразил Зиганиди.

– Мне экстрима и на службе хватает. Пусть себе щекочет нервы офисный планктон. По мне, отдых – это когда лежишь на берегу теплого моря и ровным счетом ничего не делаешь. Ну, самое большое... загорашь, – размечталась Сабурова.

– И через три дня ты взвоешь, как волчица в феврале, – подсказал Николай. – Ты же, Катя, не умеешь сидеть без дела, потому как... – Он не успел договорить, осекся, взглядываясь в экран, на котором уже отчетливо проступили контуры приближающегося затонувшего корабля.

Величественное зрелище завораживало. Поэтому тема прежнего разговора сразу же показалась мелкой, незначительной, недостойной продолжения. Уже можно было рассмотреть лежавший на дне корабль. Он, несомненно, являлся военным. Ошибки быть не могло, об этом свидетельствовала орудийная башня с толстым, как бревно, коротким стволом.

– Крейсер, – определил наметанным взглядом Зиганиди. – Времен Второй мировой войны.

– И явно не советский, – уточнил Плахин.

– Японский? – Катя вопросительно глянула на Николая. – Ты же у нас увлекаешься историей.

– Похоже на то.

Между мачт все еще были натянуты тросы. За годы подводной неподвижности корабля они густо обросли, став похожими на разломаченные веревки. Глубоководный аппарат скользил над кораблем, заливая укрытую похожими на снег органическими осадками палубу.

– Вот тебе и не было кораблекрушений, – произнес Плахин. – Названия нам не прочитать. Все ржавчиной и органикой покрылось. Скорее всего, корабль японский. И не похоже, что его торпедировали. Пробоин не видно. Кингстоны открыли?

Зиганиди тут же подсказал:

– У них многие экипажи сами затапливали свои боевые корабли, когда узнали о капитуляции. Так и уходили на дно. Никто не покидал борт. Но ты, Катя, не надейся увидеть там скелеты в военно-морской форме. Даже на такой глубине морские черви через пару лет ничего не оставляют от человеческого тела и даже от костей.

– Но привидениям черви не страшны. Так что у нас есть шанс их увидеть в крошечной морской ночи. – Сабурова уже надела перчатку, сжимала и разжимала пальцы. – Неправильно,

если никто так и не узнает, что за корабль здесь затонул. Конечно, уже нет жен этих моряков, но остались дети, внуки, правнуки. И будет справедливо, если им спустя более чем полвека сообщат о судьбе их предков. Вот тогда призраки и успокоятся, души погибших уйдут в иной мир.

– Я, конечно, не знаю японских верований насчет загробного мира. Но, похоже, ты говоришь правильные вещи, – согласился Зиганиди.

– Хорошие слова, – произнес Плахин. – Но как это сделать? Крейсер, похоже, типовой. По видеосъемкам его название не восстановишь. В лучшем случае будет понятно, что он один из десятка затонувших, для родственников это ничего не меняет.

– На любом корабле много вещей, на которых написано его название, – наморщила лоб Катя.

– Спасательные круги, например, – проговорил Марат Петрович. – Но они-то остались на поверхности, когда корабль ушел на дно. До других предметов нам не добраться.

– Ошибаетесь. Это на нашем «Русском витязе» рынды нет, а на всех надводных кораблях она имеется, – улыбнулась Катя. – И на любом корабельном колоколе выбивают, отливают, гравировать название. К тому же их изготавливают из латуни, и она очень мало подвержена коррозии, даже в морской воде.

Плахин оценил предложение Кати Сабуровой. Глубоководный аппарат возобновил движение. Заодно предстояло оттестировать работу автопилота в реальном режиме с многочисленными препятствиями. Марат Петрович выбрал на мониторе конечную точку – рынду, висевшую на кронштейне, и предоставил электронике действовать автономно. При этом он, конечно же, не снимал руки с джойстика, готовый в любой момент взять управление на себя. Под «Русским витязем» проплывала палуба затопленного крейсера, он аккуратно разминул с поднятым стволом корабельного орудия. Над глубоководным аппаратом чуть заметно покачивались провисшие тросы, растянутые между мачтами.

– Прошли капитанский мостик, ходовую рубку, – прокомментировал происходящее Зиганиди.

– Приближаемся, – предупредил Плахин. – И зависаем.

«Русский витязь» завис в водном пространстве. Электромоторы продолжали работать, удерживая аппарат на месте. Даже течение со скоростью полутора метров в секунду не стало бы для его устойчивого положения помехой. Катя повела рукой в перчатке. Манипулятор в точности повторил движение.

– Осторожнее, – сказал Марат Петрович. – В трюмах наверняка сохранились боеприпасы. И, если туда что-нибудь тяжелое упадет... – Его взгляд скользнул к черному провалу в палубе.

– Не упадет, – пообещала Катя.

Она действовала с максимальной осторожностью. Сперва убедилась, что рында надежно захвачена клешней, затем защелкала свободной рукой по панели управления. Из гидроманипулятора, словно лезвие из складного ножика, отщелкнулась секция с небольшим алмазным диском. Пользуясь джойстиком, Сабурова подвела диск к цепи, на которой висел корабельный колокол.

– Натягиваем цепь и пилим, – сказала Катя.

Через минуту рында отделилась от затопленного корабля. Гидроманипулятор поднес ее к иллюминатору.

– К сожалению, пока прочитать ничего невозможно, заросла донными отложениями. Но, если бы мы и увидели иероглифы, то тоже не сумели бы их прочитать. Пусть уж специалисты разбираются, – заметил Коля Зиганиди.

«Русский витязь» неторопливо оплывал корабль, проводя видеосъемку. Компьютер тут же делал расчеты и создавал на экране объемное изображение. Теперь при надобности его можно было вращать в виртуале, разглядывая со всех сторон.

– Жаль, что нам здесь не попала затонувшая Атлантида, – засмеялся Николай. – Состоялось бы сенсационное открытие.

– Ничего страшного, – ответила Катя. – Со временем будет и Атлантида. Главное, успешно провести испытания. Довести глубоководный аппарат до ума. Вот тогда его и запустят в серию. Атлантидой на подобных аппаратах займутся подводные археологи. А мы займемся спасательными операциями на больших глубинах... Ну вот, теперь уже и рында в нашем контейнере...

Еще около двух часов «Русский витязь» провел вблизи океанического дна, собирая пробы грунта. Наконец Плахин получил команду на всплытие.

– Приготовились, – сказал он и поднял прозрачный колпачок над кнопкой, вдавив ее пальцем.

Электромагниты, удерживающие контейнеры с дробью под брюхом глубоководного аппарата, отключились. Балласт отсоединился от них. Контейнеры упали в ил, подняв облачка органических отложений. Прожектор погас. Все, находившиеся на борту, почувствовали, как аппарат с небольшим ускорением пошел к поверхности. Теперь его всплытие уже ничто не могло остановить. По закону Архимеда на него действовала подъемная сила, равная весу вытесненной им морской воды. Максимум, можно было маневрировать двигателями, осуществляя горизонтальные передвижения.

– Теперь можете и поспать, – усмехнулся инженер. – От нас уже ничего не зависит. Вообразите себе, что оказались в лифте, возносящем вас на двухкилометровую высоту.

Плахин выставил тусклое дежурное освещение. На главном мониторе в углу сменялись цифры. Глубиномер вел обратный отсчет.

– Словно таймер бомбы перед взрывом, – тихо произнес Зиганиди.

– Сам ты дурак, Николай, и шутки у тебя дурацкие, – отозвалась Сабурова. – Лучше воспользуйся советом мудрого человека, – кивнула она на Плахина. – И вздремни. Нам еще отчет сегодня писать.

Аппарат слегка подрагивал, покачивался, продолжая свое вознесение. От этого и впрямь клонило ко сну. Катя сквозь полуприкрытые веки смотрела на начинавший светлеть иллюминатор.

«Словно рассвет наступает», – успела подумать она. И тут «Русский витязь» вздрогнул, будто натолкнулся на невидимое препятствие, его потянуло сперва вниз, затем в сторону, аппарат стал заваливаться на бок.

– Что происходит?! – выкрикнула Сабурова.

На столкновение с другим подводным объектом не походило – иначе бы почувствовали удар.

– Зацепились? Но за что? Не могу понять, – торопливо говорил Марат Петрович, выводя на монитор изображения внешних камер. – Неужели рыбацкая сеть?

И тут на стекло иллюминатора и впрямь легла сеть, ее ячейки стали отчетливо видны. Затем что-то снаружи зашипело. Аппарат дернуло вверх, всплытие ускорилось. Дергая джойстиком, Плахин пытался выровнять «Русский витязь». Но двигатели не могли справиться с силой, толкавшей глубоководный аппарат к поверхности. Всплытие стало неуправляемым.

– Это не рыбацкая сеть. Она металлическая, – Зиганиди припал лицом к иллюминатору.

– Смотрите, к ней прикреплены надувные понтоны. Они и тащат нас вверх! – рассмотрел изображение на мониторе Плахин. – Что за ерунда?!

Катя уже надела перчатку. Гидроманипулятор ожил. Сабурова тянула руку к потолку:

– Не достает до понтонов. Черт! Нам на винты сеть не наматается?

– Они в защитных кожухах.

Аппарат раскачивало, неуправляемо несло к поверхности. Сабурова уже выщелкнула из клешни алмазный резак. Металлическая сеть поддавалась плохо. Но все же ей удавалось перерезать тросики ячеек.

– Надо освободиться! – кричала она. – Иначе есть вероятность удариться о днище «717»-го.

– Быстрей, – торопил Плахин, поглядывая на стремительно сменяющиеся цифры на мониторе. – Если не ударимся о транспортник, все равно вылетим, как пробка, из воды. А затем последует удар о волны. Всем пристегнуться!

«Русский витязь» тащило с неудержимой силой к поверхности, а люди, находившиеся в нем, не могли ничего с этим поделать. Вся надежда оставалась на Сабурову. Только бы ей удалось перерезать сеть. Тогда бы аппарат вывернулся из нее и перешел в штатный режим всплытия...

– Глубина шестьдесят метров! – выкрикнул Марат Петрович.

– Не успеваем, – беззвучно выдохнула Катя.

И тут случилась еще одна странная вещь. Стремительный подъем застопорился так, словно кто-то резко дернул глубоководный аппарат вниз. На экране глубиномер показал погружение на десяток метров. После чего «Русский витязь» завис в пространстве с продольным креном в девяносто градусов. Электродвигатели продолжали жужжать, но не могли сдвинуть аппарат с места, вернуть его в вертикальное положение. Он словно увяз в густой жидкости, похожей на желе, и лишь подрагивал.

– Что за черт? – Катя с надеждой глядела на Плахина.

– Связь с «717»-м отсутствует, – развел руками Марат Петрович. – Сам не знаю, что и думать...

3

Надувной катер, гулко стуча днищем по воде, мчался на восток. Небо уже сделалось серым от затянувших его грозовых туч. Они отражались в волнующейся воде, отчего волны казались свинцовыми. Ветер хлопал тентом. Отчаянно ревел на полных оборотах подвесной двигатель.

Виталий Саблин стоял на корме, управляя плавсредством.

– Попробуй еще раз их вызвать, – прикрывая лицо от брызг, сказал Ботман.

Старлей Прошкин в очередной раз попытался связаться с сейнером, передавшим сигнал бедствия.

– Глухо, – наконец произнес он, спуская наушники рации на шею. – Последнее, что они передали, а мы сумели принять: «пожар усиливается», а потом связь оборвалась.

– И было это двадцать три минуты тому назад. – Каплей машинально глянул на часы. – Перспективы не самые радужные. Судя по всему, сейнер уже должен находиться в зоне прямой видимости.

Судовой врач и еще один молодой спецназовец стояли на носу катера, вглядываясь вперед по курсу. Но из-за расхлывшихся рваных волн мало что можно было рассмотреть.

– Товарищ каплей, вижу их. Они на «два часа». Вон – справа.

Вскоре и Саблин со своего места на корме мог уже рассмотреть терпящий бедствие сейнер. За кормой трепыхался камбоджийский флаг. Над рубкой еще поднимался то ли пар, то ли негустой дым. Закопченный металл пузырился вздутой корабельной краской. Но было понятно, что с пожаром команда все же справилась. Огня не наблюдалось.

– Никого нет на палубе, – произнес Саблин очевидное.

Судно и впрямь словно вымерло. Не слышать звук двигателя приближающегося катера на сейнере не могли. Плавсредство подходило с наветренной стороны. И тем не менее никто не выбежал на палубу радостно встречать своих спасателей.

– Очень странно, – проговорил Саблин, не спеша подходить к таинственно опустевшему судну.

Сейнер дрейфовал с заглушенной силовой установкой. Неяркое солнце, чуть-чуть пробивавшееся сквозь стык в тучах, делало картину совсем уж нереальной. Закопченное железо, трепыхающийся флаг, опустевшая палуба.

– Может, они все же покинули сейнер? – предположил судовой врач.

– Шлюпка на месте. Никто даже не делал попытки спустить ее на воду, – возразил Виталий. – Да и не мог пожар ликвидироваться сам собой.

– Может, угорели? – сделал свое умозаключение старлей Прошкин.

– В любом случае надо подняться на борт, – подытожил Саблин, подводя катер вплотную к борту сейнера, и постучал кулаком по обшивке.

Никто ему не ответил.

– Эй! – крикнул каплей.

И вновь тишина в ответ. Вот только была эта тишина какой-то предельно напряженной, таинственной.

– Свяжись с транспортником. Передай, что мы обнаружили сейнер.

И тут выяснилось, что «717»-й не отвечает.

– Возможно, помехи. Грозовой фронт приближается, – попытался найти объяснение радист.

– Странно, – Саблин надежно закрепил тросом катер и первым стал взбираться по узкой металлической лесенке на борт сейнера.

Автомат с коротким прикладом висел у него за спиной. Вскоре все четверо оказались на палубе. Виднелись сдувшиеся брезентовые рукава брандспойтов, прикрепленные к гидрантам. В надстройке торчали осколки выбитых стекол. Пахло гарью. И никаких признаков присутствия людей. Старлей Прошкин глянул на Саблина.

– Очень странно, – произнес он. – Разрешите осмотреть трюм.

Скрипнула под ветром металлическая дверь. Волны раскачивали дрейфующий сейнер. Саблин не успел дать разрешение. Краем глаза он отметил какое-то подозрительное движение наверху надстройки. Он успел заметить приподнявшегося некрупного человека в выцветшей военной форме, один раскосый глаз был закрыт, второй шурился в прицел автомата.

– Назад! – крикнул Виталий.

Но было уже поздно. Очереди загрохотали с трех сторон одновременно. Со звоном посыпались сверху отработанные гильзы. Саблин резанул короткой очередью по верху надстройки. Он успел прижаться спиной к нише с гидрантом и только потом услышал звук падающего тела, перевел дыхание, осмотрелся. Судовой врач лежал на палубе, пули прошли ему обе ноги, и мужчина пытался ползти, используя лишь руки, скользившие по мокрой палубе, губы его кривились от боли.

– Помогите, – шептал он. – Добьют же.

Старлей нашел себе укрытие за лебедкой для вытаскивания сетей. Молодой спецназовец вжался в узкое пространство под поворотной платформой подъемника и знаками показывал Виталию, что собирается помочь врачу выбраться с открытого – простреливаемого – пространства. Саблин отрицательно покачал головой. Мол, не спеши. Следовало понять, кто на них напал и почему? Какие силы им противостоят?

На палубе прямо под надстройкой лежал убитый Саблиным раскосый стрелок, свалившийся с надстройки.

– Форма на нем северокорейская, – машинально отметил Виталий.

Вспомнил звуки стрельбы. Еще как минимум могли оставаться двое затаившихся противников, ведь он слышал звук трех автоматов. Но кто даст гарантию, что их не больше – пять, десять? На сейнере вполне могло укрыться с полсотни человек.

Врач медленно полз по палубе, оставляя за собой кровавый след. Из-за угла надстройки показался ствол автомата. Саблин дождался того момента, когда высунется и голова. Тут же надавил на спусковой крючок. Послышался короткий вскрик, перешедший в стон.

– Черт, только ранил.

Виталий дал знак молодому спецназовцу, чтобы тот прикрыл его. Парень быстро понял, что от него требуется, стал короткими очередями стрелять по надстройке. Посыпались остатки выбитого стекла. Если, кто и скрывался там, то не рискнул бы поднять голову. Двумя короткими перебежками Саблин добрался до края надстройки – ближайшему от раненого врача, тот уже выбивался из сил. В глазах читалось отчаяние.

– Сейчас, – Виталий отстегнул карабин ремня на автомате.

Но сразу же понял, что длины его не хватит, придется высовываться из укрытия. Однако он понимал, что врача не добивают лишь потому, что он хорошая приманка. Противник рассчитывал, что кто-нибудь из российских спецназовцев обязательно попытается его вытащить. Вот тогда и прикончат сразу двоих – и врача, и смельчака.

– Хватайся сильнее, вытащу, – негромко сказал Виталий раненому. – Только сначала сделай вид, что потерял сознание.

Врач понимающе кивнул, наверняка уже и сам успел просчитать ситуацию. Он пару раз подтянулся руками, а затем упал головой на палубу и замер, глядя на Саблина одним прищуренным глазом. Виталий не стал тянуть время, бросил врачу автомат, а сам продолжал держать отстегнутый конец ремня. Раненый ухватился за ствол мертвой хваткой. Каплей потащил его на себя, сдирая с ладоней кожу о шершавый брезентовый ремень. Сверху громыхнула очередь.

Молодой спецназовец выстрелил в ответ. Казалось, что спасение совсем близко. Но тут из-за угла выкатилась граната.

Видел ее со своего места лишь Виталий, а потому и прокричал:

– Ложись!

Он еще сильнее потащил врача, цеплявшегося за автомат. Но ослабевшие пальцы судового медика разжались. Саблин по инерции отлетел к стене, упал, сжался, закрыв голову руками. Прогремел оглушительный взрыв. Осколки ударили в надстройку прямо над головой Виталия, в ушах зазвенело. Когда дым рассеялся, Саблин поднял голову и выругался. Все оказалось зря. Судовой врач еще корчился в конвульсиях, но спасти его было невозможно, это являлось уже агонией; из пробитой осколком шеи пульсирующим фонтаном вытекала артериальная кровь.

Каплей обернулся. Не все хорошо было и с молодым спецназовцем, он зажимал ладонью кровоточащее правое плечо. Старлей Прошкин знаком показал, что с ним все в порядке. Нападавшие вновь куда-то исчезли. И, как понимал Саблин, ненадолго. Скорее всего, готовили новый план нападения.

Молодой спецназовец осмотрелся и перебежал к Виталию. Ни одного выстрела не прозвучало.

– Товарищ капитан-лейтенант. Думаю, уходить надо, – сказал он.

– И я так думаю, – криво усмехнулся Саблин. – Вот только до катера надо добираться через всю кормовую часть палубы. А там мы окажемся как на ладони. Не хочу поработать мишенью в тире и тебе не советую. Есть другие предложения?

– Я прикрою ваш отход, а там уж как повезет.

– Не спеши. Может, их не так уж и много. Да и команда судна, возможно, где-то здесь. Может пособить. Хотя это вряд ли. Думаю, ее тупо перебили.

Саблин пожалел, что прихватили мало оружия – только личное. Основной упор сделали на медикаменты и перевязочные материалы. Но кто же мог знать, что спасательная экспедиция обернется серьезным боем. Виталий пытался понять, с какого бодуна северокорейским военным пришло в голову захватить горящий сейнер под камбоджийским флагом, перебить команду, ликвидировать пожар, а потом обстреливать пришедших на помощь российских спецназовцев. Но попробуй залезь в голову этим героям идеей чучхе! Нормальному человеку зомбированного не понять. Ясно, что какой-то резон у них есть. Вот только какой?

– Жди меня здесь, – Саблин двинулся вдоль надстройки, стараясь держаться под козырьком.

Он остановился у вентиляционной решетки, припал к ней ухом. Снизу доносились приглушенные голоса. Корейского языка Саблин не знал. Но было достаточно того, что говорили как минимум пятеро. Значит, на всем судне – и того больше, вряд ли они оставили палубу без прикрытия сверху. К тому же противостоять предстояло не просто военным, а хорошо тренированным – спецназу, это Виталий уже прочувствовал. Ко всему прочему он уже понял, что настоящего пожара на судне не было. Копоть являлась следствием подожженного тряпья, предварительно облитого маслом и дизтопливом, остатки которого лежали у стен надстройки. Злость закипала в душе. Выходило, что их заманили на сейнер ложным сигналом бедствия. Прощать гибель товарища Саблин не собирался. Он подкрался к приоткрытому люку, ведущему в трюм, и выпустил гранату из подствольника. Взрыв сотряс судно. Внизу послышались крики, топот. Из люка ударили из автомата. К стрелявшему присоединились и автоматчики, расположившиеся на надстройке. Старлей Прошкин навесом отправил туда гранату из подствольника.

– В катер, первым пошел, – скомандовал молодому Саблин. – Я прикрою.

Пока еще не рассеялся дым и не улеглась паника, молодой спецназовец пробежал палубу и перемахнул через борт. Все это время каплей и Прошкин поливали надстройку свинцом из

автоматов, не давая противнику поднять голову. Вслед молодому корейцы открыли огонь, но, как понял Виталий, слишком поздно.

– Первый прошел. – Каплей ободряюще глянул на старлея. – Теперь твоя очередь.

– Все будет хорошо, – пообещал спецназовец.

Виталий выстрелил, заставив стрелка на надстройке укрыться. Старлей, не теряя времени, бросился вперед. Однако добежать до борта не успел. Из-за угла загрохотал автомат. Спецназовец пошатнулся, схватившись за простреленную грудь, и осел на палубу. Он еще успел развернуться, надеясь выстрелить в своего убийцу, но не сумел. Следующая очередь повалила его на настил.

Саблин скрежетнул зубами. Ситуация складывалась для него не лучшим образом. Правда, еще оставалась надежда пересечь палубу под огнем. Такое ему приходилось проделывать не раз. Виталий даже прикинул, как именно он это сделает. Три прыжка, пережат через голову вправо, выстрел по надстройке, рывок влево... если не успеют пристрелить, можно перемахнуть через борт.

«Вот только бы знать – мой сегодня день или нет», – подумал Бойман.

И тут за углом почувствовалось движение, на мгновение показалась выплывшая военная шапка. Виталий выстрелил – шапку просто снесло со ствола автомата, на которую ее надели.

– Черт, зря патрон потратил, – выругался Саблин, – попался на уловку для «первоклассников».

И вновь за углом что-то готовили, замышляли.

«Знать бы что», – задумался Виталий.

На палубу со стуком выкатилась граната. И тут же сверху и сбоку застрочили автоматы. Деваться было некуда, только упасть, вжаться в настил. Но за доли секунды Виталий понял, что в лучшем случае ему удастся уцелеть, получив серьезные раны. Решение пришло прежде, чем каплей успел продумать свои действия. Он вскинул автомат и дал короткую очередь. Одна из пуль снесла гранату с палубы, она ударилась об ограждение, завертелась волчком. Еще одна очередь отбросила ее к тому, кто ее метнул. Взрыв уже прозвучал за углом. Саблин, не теряя времени, бросился туда. Он увидел забрызганную кровью закопченную стену и труп в военной форме с развороченной взрывом головой.

За поворотом слышался топот. Он вскинул автомат, но лишь одна пуля вылетела из него – закончился рожок.

– Черт! – Виталий затравленно смотрел по сторонам.

Из-за углов надстройки одновременно выбежали вооруженные люди в северокорейской военной форме. Саблину повезло, обе группы чуть замешкались, и он успел упасть на палубу. А стреляли высоко, боясь попасть в своих. Виталий подхватил автомат убитого – обычный старый «АКМ» с деревянным прикладом. Очередь в одну сторону, затем с пережата в другую. Нападавшие подались назад. И все же отыскался смельчак, бросившийся на Саблина. Это был рослый, не слишком молодой боец с узкими, словно их бритвочкой прорезали, глазами. Выстрел не остановил его, пуля попала в бронезилет. Единственное, что успел сделать Саблин, это нанести ему удар прикладом в лицо. Хрустнул нос, а Виталий бросился за борт, машинально продолжая сжимать в руке чужое оружие.

В воду вошел ногами, вокруг него завертелись пузырьки. Капитан-лейтенант слышал, как с писком входят в воду пущенные ему вдогонку пули, а потому уходил глубже и глубже. Толща воды неплохо защищает от прицельного огня. Выровнявшись, он увидел над собой черную тень корпуса сейнера и рядом с ним днище родного надувного катера, доставившего его в эту мясорубку. Прямо над Виталием пули продолжали бурлить воду, оставляя за собой белесые траектории из мелких воздушных пузырьков. Но толща воды гасила скорость. На этой глубине он оставался недоступен для выстрелов.

«Ну что ж, – подумал Виталий. – Если вы ждете, когда я всплыву с этого борта, то напрасно. На такой подарок не рассчитывайте».

Он поднырнул под днище сейнера и оказался на поверхности рядом с надувным катером. Молодой спецназовец с затравленным видом перевел на него ствол.

– Не суетись, на этот раз свои, – проговорил Саблин, переваливаясь в катер.

С другой стороны сейнера уже затихала стрельба.

– Рассиживаться некогда, – предупредил каплей. – Уходим.

Взревел двигатель катера, слава богу, он завелся сразу же. Плавсредство буквально встало на дыбы. Мощный мотор работал на полных оборотах. Сейнер стал отдаляться. Захватившие его корейцы тут же переметнулись на другой борт и открыли стрельбу. Виталию пришлось буквально вжаться в дно. Несколько пуль попали в корпус, теперь из отверстий с шипением выходил воздух. Молодой спецназовец стал отстреливаться. Это его и подвело, уж лучше бы не поднимал головы. Пуля вошла в нижнюю часть груди, почти в живот. Парень осел, выпустил из рук оружие и закусил губу, чтобы не застонать.

– Потерпи, потерпи, – Саблин уводил катер от сейнера. – Сейчас отойдем, свяжемся со своими. Обязательно свяжемся. Помощь скоро придет.

Поврежденный выстрелом двигатель дымил. Молодой спецназовец то и дело отнимал ладони от раны и с недоумением рассматривал свою кровь, густо измазавшую пальцы. Наконец сейнер превратился в небольшое черное пятнышко на горизонте. Сильно сдувшийся катер переламывался на волнах. Виталий закрепил двигатель и первым делом принялся латать пробоины. Времени на то, чтобы сделать все по правилам, не оставалось. Саблин просто заклеил дырки лейкопластырем, благо, индивидуальных медицинских пакетов хватало. И только потом он бросился к молодому.

– Ну, как ты?

– Горячо... внутри горячо, – отвечал парень.

– Дай-ка посмотрю.

Саблин понял, что ничем не может сейчас помочь. Снаружи крови было мало. Кровотечение внутреннее, без операции его не остановить. Кровь вытекала в легкие. Максимум, что он мог сделать, – подложить побольше марли и наскоро перебинтовать раненому грудь.

– Сейчас со своими свяжемся, – Виталий взялся за рацию и тут же выругался.

Корпус в двух местах оказался пробит пулями. Все еще не теряя надежды, Саблин щелкнул тумблером. Аппаратура бездействовала, даже индикаторная лампочка не вспыхнула. Молодой боец тихо постанывал.

– Товарищ каплей, что там такое? – проговорил он.

Чувствовалось, что парень совсем плох и скоро потеряет сознание.

– Сейчас, сейчас. Скоро я свяжусь с нашими, за нами пришлют... Нас подберут, – Виталий вернулся на корму.

Двигатель еще работал, но уже с перебоями, захлебывался, наконец, судорожно чихнул и заглох. Катер еще немного проплыл по инерции, и его закрутили волны.

Саблин тяжело вздохнул. Теперь приходилось полагаться только на самого себя. К тому же от него зависела жизнь молодого бойца. Виталий снял с двигателя защитный кожух, осмотрел повреждения, причиненные выстрелом. Топливопровод остался целым, хоть его и сплющило, значит, бензин не вытек и оставалась надежда оживить механику. Теперь стало понятно, почему заглох двигатель. Топливо просто не поступало в нужном количестве. Инструментов на борту Саблин так и не обнаружил, пришлось воспользоваться пеналом из «АКМ». Но снять патрубков так и не сумел, не было гаечного ключа или хотя бы пассатижей. Проковырившись с полчаса, он все-таки сумел удалить сплюснутый участок топливопровода, просто выломав его. Сжатые окончания трубки пришлось разжимать зубами. Теперь наладить двигатель было уже несложно. В аптечке Саблин отыскал катетер для переливания крови, срезал кусок про-

зрачной трубки и надел его на обломки латунного топливопровода. В прозрачном катетере показался зеленоватый бензин.

– Готово! Слышишь, боец?

Молодой спецназовец не ответил, он что-то шептал в бреду. Ровно застучал мотор. Он немного дымил, но все же – тянул. Катер набирал скорость.

Через полчаса хода Саблин заметил идущий с юго-востока параллельным курсом мощный буксир. Виталий махал руками, стремясь привлечь к себе внимание, но буксир не менял курса. Оно и неудивительно – посадка у надувного катера низкая – попробуй разглядеть его среди волн. Виталий выругался, открыл ящик с НЗ, вытащил ракетницу и выпустил в небо сигнальную ракету. Она, описав дугу, ярко вспыхнула красным светом и неторопливо, освещая вечерние волны, упала в них. Такого не заметить было просто нельзя. Разве что в случае, когда никого не было ни на палубе, ни в ходовой рубке, ни на мостике.

Саблин стоял, всматриваясь в море. Буксир шел прежним курсом, вскоре он растаял на горизонте.

– А ведь он идет почти точно к транспортнику, – подумал вслух Саблин. – Как говорится, мог бы и подбросить.

4

– Связь отсутствует, похоже, что включены глушилки, – объявил Плахин после еще одной неудачной попытки связаться с «717»-м.

Катя с сосредоточенным видом перерезала при помощи алмазного диска ячейки стальной сети. Глубоководный аппарат по-прежнему висел с креном в девяносто градусов.

– Не гоняйте зря двигатели, Марат Петрович, – посоветовал Зиганиди. – Поберегите энергию аккумуляторов. Хрен знает, сколько нам здесь висеть придется.

Инженер прислушался к дельному совету, выключил маневровые двигатели.

– Дело не в аккумуляторах. Их надолго хватит. Вся загвоздка в регенерации воздуха. Знать бы, что там наверху происходит, – прикусил губу Плахин. – Глубина небольшая, должны послать водолазов. Они бы нас быстро освободили от сети.

– Странно все это, – отозвалась Сабурова.

И тут на мониторе возникли приближающиеся к «Русскому витязю» силуэты. Их было три.

– Аквалангисты, – прищурившись, сказал Зиганиди. – Вот и помощь подоспела. Так что, Катя, можешь заканчивать работать с манипулятором. А то еще одному из ребят что-нибудь жизненно важное оттяпаешь своей клешней. Потом претензий не оберешься.

– Тебе бы, Коля, язык оттяпать следовало. Уже один раз сегодня ты нас сглазил.

Сабурова не сняла перчатку, но положила руку на подлокотник кресла. За иллюминатором застыл и гидроманипулятор. Аквалангисты не спешили приблизиться вплотную к аппарату, плыли вокруг него. Скорее всего, хотели понять, что произошло. Плахин включил свет в кабине и подавал им знаки рукой. Никто не отреагировал.

– Все, теперь к нам плывут, – Марат Петрович вплотную приблизил лицо к иллюминатору.

Аквалангист с секунду «повисел» перед самым стеклом, вглядываясь внутрь, а затем скользнул выше. За его передвижениями теперь можно было следить только посредством видеокамер, установленных наверху жилой капсулы.

– Да куда его несет? – возмутился Зиганиди, когда увидел, что аквалангист, сжимавший в руке что-то вроде контейнера с инструментами, двинулся прямо к одной из камер.

– Наверное, видит что-то, чего мы не видим, – предположил Плахин.

– Погодите, что-то мне его акваланг не нравится, – сказала Катя.

В этот момент аквалангист протянул руку в перчатке и закрыл объектив одной из камер.

– Что он делает? – возмутился Плахин, когда один из сегментов на мониторе окрасился черным, часть пейзажа стала недоступной для наблюдения.

Следом за первой камерой «погасла» и вторая. Не дожидаясь, когда аквалангист заклеит третью, Катя махнула рукой-манипулятором. Аквалангист отлетел в сторону, его несколько раз перевернуло. Двое его коллег шарахнулись в сторону и стали показывать знаками, чтобы на борту глубоководного аппарата вели себя осторожнее.

– Ты что-нибудь понимаешь? – спросил Зиганиди.

– Пока нет. Но мне не нравится то, что они делают, потому что делают они все неправильно, – ответила Катя. – На твой взгляд, что они должны были сделать в первую очередь?

– Поскольку нет радиосвязи, то обязаны подключиться к нашему внешнему проводному разьему, – уверенно сказала Сабурова. – А этого не происходит.

– В крайнем случае, могли бы перестукиваться с нами «морзянкой».

– Ты, Николай, как и я, пытаешься за них думать...

Она осеклась. Двое аквалангистов стали осторожно приближаться к «Русскому витязю», на ходу показывая знаками, чтобы им не мешали. Катя приподняла руку, манипулятор повто-

рил движение. Она свела, развела пальцы, даже в кабине было слышно, как угрожающе клацнул металл. Аквалангисты шарахнулись, как испуганные рыбешки, а затем исчезли из поля видимости. Две закрытые камеры лишали обзора со стороны кормы, и оставалось только догадываться, что там сейчас происходит.

Вскоре послышался легкий металлический скрежет.

– Марат Петрович, – внезапно сказала Катя. – Включите маневровочные винты!

– Зачем?

– Включайте!

Плахин подчинился.

– Два из них бездействуют! Лопасты заклинило, – доложил инженер.

И тут послышался сильный скрежет, тут же остановилось вращение еще одного винта.

– Ничего не могу понять! Моторы исправны!

– Получается, это они что-то вставили в защитный кожух. Как палку в велосипедное колесо, – проговорила Катя и, вскинув руку, завела ее себе через плечо за спину, словно собиралась почесать лопатку.

Она не видела, что происходит в воде, но скрежет тем не менее прекратился. Сабурова покачивала манипулятором из стороны в сторону. Ощутился легкий толчок. За иллюминатором промелькнул кувыркающийся аквалангист. У него изо рта вырвало загубник. Вереница серебряных пузырьков устремилась к поверхности.

– Полегче, – предупредил Зиганиди. – Мы еще не знаем, кто они такие.

– Так пусть объяснят свои действия, представятся, тогда и попытаюсь «полегче», – Катя еще раз взмахнула манипулятором. – Марат Петрович, вы уверены, что мы должны были всплыть вблизи от транспортника? Мы не уклонились?

– Абсолютно невозможно. Транспортник почти прямо над нами, – проговорил в ответ Плахин.

5

Командир «717»-го с озабоченным видом тер лицо. Генконструктор стоял у него за спиной. Перед ними светился монитор, где схематически показывалась картинка подъема «Русского витязя». Картинка была застывшей уже пятнадцать минут. Прервавшаяся связь не позволяла ей обновиться.

– По данным сонара, аппарат находится на глубине шестидесяти метров, слева по борту, – произнес конструктор. – Не могу понять, что его там удерживает. После отстрела контейнеров с дробью у него плюсовая плавучесть. Он просто не может зависнуть.

– Как видите, может. Запутался в сети?

– Сеть в таком случае должна за что-то держаться. А здесь глубина более двух тысяч метров. Даже большая сеть, растянувшаяся на сотню метров, могла бы лишь немного задержать всплытие.

– Считаете, пришло время отдать приказ на погружение боевых пловцов?

Генконструктор задумался, потом все же отказался:

– Время еще есть. Сперва надо понять, что там происходит.

Командир и конструктор вышли на палубу. У левого борта вовсю шла работа. Готовили к спуску автономный зонд, который должен был после погружения подойти к глубоководному аппарату, «заглянуть» в его иллюминаторы, передать изображение на борт «717»-го.

Экипаж был всецело занят работой. Спешили, качка усиливалась. До начала шторма следовало успеть поднять «Русского витязя», не хватало из-за волн еще повредить глубоководный аппарат во время начала испытаний.

Вахтенный в бинокль вглядывался в морскую даль, надеясь увидеть возвращающийся от сейнера катер.

У самой кормы «717»-го забурилась вода. Над поверхностью показалась рубка небольшой субмарины. Ее всплытие прошло незамеченным для экипажа транспортника. В этот момент как раз опускали в воду зонд. Он, похожий на крылатую авиамодель, раскачивался на тросе над самыми волнами.

Люк в рубке подлодки открылся. Пара раскосых глаз оценивающе осмотрела корму транспортника. Подводник в северокорейской форме сжимал в руках автомат. Если бы только за ограждения кормы кто-нибудь выглянул, он, не задумываясь, выстрелил бы на поражение.

Мужчина спустился на палубный настил, следом за ним выбрался еще с десятков бойцов. Автоматы аккуратно приторочены, чтобы не стучали, к поясам подвешены гранаты. Объяснялись шепотом и жестами. Командир поднял арбалет, заряженной крючком-«кошкой». Еще двое подводников прицелились своими арбалетами в корму. С тихими щелчками «кошки» взмыли вверх, увлекая за собой альпинистские веревки. Покрытые слоем мягкой резины «кошки» без лишнего шума упали на палубу. Подводники в северокорейской военной форме быстро подтянули веревки, «кошки» надежно зацепились за бортовые ограждения. Командир дал знак – «идем».

Трое спецназовцев, используя альпинистские кулачковые зажимы с ручками, сноровисто принялись взбираться по веревкам на борт «717»-го, следом за ними отправились еще трое... Подъем всей группы занял не более минуты.

Спецназовцы укрылись за широкой поворотной платформой, служившей опорой для стрелы крана, которым спускали и поднимали тяжелый глубоководный аппарат. Неподалеку от него суетились члены экипажа «717»-го. Зонд нырнул в волны и исчез под водой. Российские подводные пловцы уже надели гидрокостюмы, готовые в любой момент после приказа погрузиться. На постах оставались только те, от кого зависела живучесть корабля – мотористы, механик, радист, рулевой, штурман.

Командир спецназовцев с подводной лодки торопливо снял с плеча портативную ракету, расцехлил ее, поднял планку прицела. Его бойцы тоже приготовились. Все произошло синхронно.

Командир «717»-го увидел, как из-за платформы, чертя дымный след, вылетела небольшая ракета. Она врезалась в радиорубку, раздался взрыв. Огненное облако, похожее очертаниями на сжатый кулак, вспыхнуло и превратилось в дым. В стороны полетели куски металла, обломки аппаратуры. «717»-й мгновенно лишился связи – возможности сообщить о происшествии. Напавшие на транспортник бросили на палубу свето-шумовые гранаты и тут же вновь укрылись за платформой.

Грохот, яркие вспышки. Оглушенные, ослепленные члены экипажа «717»-го в панике металась по палубе, сталкивались, падали. Кабельный трос автономного зонда сорвался со стопора, катушка разматывалась со стремительной скоростью, резко натянулся и оборвался вместе с силовым кабелем.

Командир нападавших первым выбрался из-за платформы и сразу же стал в упор расстреливать безоружных матросов. Оружие при себе имелось только у командира «717»-го. Он, укрывшись за лебедкой, стрелял. Ему даже удалось ранить одного из нападавших в плечо. Но вот наконец затвор пистолета так и остался отведенным в крайнее заднее положение, сухо щелкнул боек ударника – в обойме закончились патроны. Один из спецназовцев хладнокровно застрелил российского командира.

Мало кому из находившихся на палубе удалось уцелеть. Лишь несколько человек умудрились добежать до надстройки и укрыться в ней. Генконструктору «Русского витязя» не повезло. Очередь, пущенная ему в спину, свалила его перед самым люком. Он упал замертво, так и не успев понять, кто и почему напал на транспортник.

Расправившись с теми, кто был на палубе, нападавшие снова укрылись за поворотной платформой, они перезаряжали оружие и совещались.

Совет держали и внутри надстройки, для начала задраив двери и люки, ведущие на палубу. Моторист лихорадочно пытался срезать болгаркой петли стальной двери, ведущей в оружейную.

– Чем мы им ответим? – вопрошал здоровяк механик. – Голыми руками? Они сейчас опять в наступление пойдут!

– Кто они?

– Похоже, северные корейцы.

Одна срезанная петля упала на настил. Дымила на раскаленном железе краска.

– Быстрей!

Вновь завизжала, зазвенела болгарка, рассыпая огненный веер искр. Но когда и вторая петля упала, то оказалось, что взрывом, прогремевшим в радиорубке, слегка перекосило переборку в надстройке. Дверь заклинило. С разгона не вышибешь, открывается «на себя».

– Что они там? – допытывался механик, ударяя пожарным ломом в щель между коробкой и дверью.

– Не понять, – ответил моторист, осторожно выглядывая в иллюминатор. – Вроде за платформой прячутся.

– Так вроде или прячутся?

Автоматная очередь ударила в иллюминатор, разнеся стекло вдребезги. Моторист упал навзничь. Его лицо превратилось в кровавое месиво, тело сотрясали судороги.

– Гады! – закричал механик.

Последовал удар ломом, дверь наконец поддалась, отворилось. Механик скрежетнул зубами в бессильной злобе. Оружие стояло на виду, а вот патроны к нему хранились в надежном сейфе. Гигант ударил в него ломом, но тот лишь пружинисто отскочил, не причинив несгораемому шкафу никакого вреда, если не считать содранной краски. Тогда он засадил лом

под сейф и, навалился на него. Жалобно закрипело железо. Крепление поддалось, сорвалась резьба на болтах, и сейф отвалился от стены. Но, что это могло решить? Так просто его не откроешь!

Снаружи раздался какой-то подозрительный свист. Механик вжался в угол. Граната, выпущенная из подствольника, влетела в разбитый иллюминатор и взорвалась. Осколки со звоном врезались в металлическую переборку. Взрывом вынесло и входной люк надстройки. В него тут же понеслись пули, зарикошетили, загудели в узком пространстве роем разъяренных ос. Послышались крики раненых. Уцелевший механик сжал в руках лом. Он уже не строил иллюзий, не думал спастись. Единственное, что его волновало, подороже продать свою жизнь, отомстить за коварно убитых товарищей.

Когда первые спецназовцы в северокорейской форме ворвались в надстройку, он стоял в оружейной, вжавшись спиной в переборку. Выпущенные в оружейку пули разлетелись рикошетом. Но ни одна пуля не зацепила механика. Спецназовцы, стреляя перед собой, стали спускаться в машинное отделение. Механик подошел к сорванному сейфу, обхватил его руками, напрягся и оторвал от настила. Багровый от натуги, он донес его до крутого трапа, ведущего вниз, и толкнул тяжеленный несгораемый шкаф. Тот, покотился по металлическим сварным ступеням, корежа их, ударяясь в перегородки. К металлическому скрежету присоединились крики и хруст костей.

Механик не успел услышать эти звуки, его скосила автоматная очередь. Вскоре весь транспортник был захвачен, а весь его экипаж убит. Молчаливые раскосые спецназовцы таскали трупы и сбрасывали их в море. Делали они это без всяких эмоций, словно просто проводили уборку. Затем сполоснули палубу от крови из брандспойтов. Солнце клонилось к западу, его диск с трудом просматривался сквозь тучи.

Спецназовцы уже запустили двигатель подъемного крана. Крюк со стропами пошел в воду. Водолазы сопровождали его.

Командир группы захвата судна стоял у борта и смотрел на то, как среди волн прорываются пузырьки воды. Наконец вынырнувший водолаз показал условным знаком, что тросы надежно закреплены. Загудела лебедка. Натянулся трос. Вскоре на поверхности показался глубоководный аппарат.

Только теперь командир нападавших позволил себе улыбнуться. «Русский витязь» завис над водой. С него струями стекала вода. Крановщик стал осторожно поворачивать платформу, стрелой заноса аппарат на палубу.

– Майна! Майна! – крикнул ему стропальщик, придерживающий «Русского витязя» направляющим тросом, который для надежности обмотал вокруг руки.

Стрела стала опускаться. И тут пришел в движение манипулятор. Он резко выгнулся, ударил по направляющему тросу. Стropальщик, удерживавший его, упал, его потащило по палубе, ударило в ограждения. Манипулятор поднял трос. Изувеченного, оглушенного стропальщика выбросило за борт.

Глубоководный аппарат раскачивался, крутился на подвеске, грозя смести с палубы любого, кто рискнул бы к нему приблизиться.

Командир спецназовцев что-то кричал крановщику, сидевшему в застекленной кабине, но тот не слышал его, он судорожно дергал рычагами, пытаясь остановить качку многотонного аппарата. Но от этого «Русский витязь» раскачивался все сильнее. Платформа крана уже вибрировала, скрежетали болты, которые крепили ее к основанию. За иллюминатором виднелось перекошенное от страха лицо Плахина с расплюснутым о стекло носом. Сорвись «Русский витязь» с подвески, он легко мог проломать палубу, погубить корабль и вместе с ним уйти на дно.

6

Сгущались сумерки. Молодой боец бредил. Его невнятные слова тонули в стрекоте мотора. Наконец Саблин разглядел впереди силуэт транспортника. Было странным, что на нем до сих пор не зажгли ходовые огни. Чем ближе подплывал Виталий, тем тревожнее становилось на душе, а когда он наконец разглядел, что с надстройки сметена радиорубка, от которой остались лишь рваные листы металла, то стало ясно, что произошла какая-то большая беда.

С транспортника его наверняка еще не заметили. Низкая посадка катера не позволяла разглядеть его среди усиливающихся волн, да и ветер дул от «717»-го, снося звук мотора. Виталий сбавил обороты, катер пошел почти бесшумно. Саблин заходил с востока, чтобы не быть замеченным на фоне еще слегка окрашенного закатывшимся солнцем неба.

Впереди на воде что-то покачивалось. Навстречу катеру медленно плыл труп. Когда Саблин взглянул на него, перегнувшись через борт, то вздрогнул, узнав.

– Генеральный конструктор.

Широко открытые остеклевенные глаза смотрели в потемневшее небо. Следом за ним из темноты выплыл еще один труп. У бойца в северокорейской форме была продавлена грудь. Раскосые глаза полуприкрыты. Саблин проплыл бы мимо, но на карабинчике под карманом он разглядел прицепленную светомушкетерскую гранату.

– Извини, приятель, но она мне еще пригодится, – Саблин перегнулся через борт, подтянул мертвеца за холодную руку поближе.

Когда он отсоединил гранату, то ощутил в кармане что-то плоское и твердое.

– Документы?

Под клапаном с пуговицей оказалось, что-то завернутое в обрывок газеты с корейскими иероглифами. Развернув размокшую газету, Саблин обнаружил заламинированную в пластик фотографию. С нее Виталию улыбался погибший мужчина. Он был в компании, скорее всего, супруги и девочки лет пяти-шести. Они стояли на фоне размытого городского пейзажа, над ними широко раскинулось цветущее дерево. Цветы усыпали его так густо, что казалось, кроны облили молоком.

«И чего тебе дома не сиделось?» – Саблин подумал секунду и бросил снимок на дно катера.

На палубе вспыхнули прожектора. Стала видна ажурная стрела подъемника, тархтел двигателя крана, суетились какие-то чужие люди в военной форме, раскачивался на подвеске глубоководный аппарат. Виталий подошел к транспортнику с кормы, заглушил двигатель, закрепил плавсредство. Сверху спускались три альпинистские веревки.

Конечно же, Виталий сильно рисковал и понимал это. Картина вырисовывалась вполне определенная. Северокорейцы подали ложный сигнал бедствия с сейнера, отвлекая тем самым часть боевых пловцов, охранявших «Русского витязя», а сами напали на транспортник, чтобы захватить глубоководный аппарат при всплытии. Саблин не сомневался, что Зиганиди, Сабурова и инженер все еще находятся внутри «Русского витязя». У него имелся, хоть и небольшой, но все же шанс освободить их. Грех было им не воспользоваться. Да и предварительный план действий уже сложился в голове.

Виталий обмотал ладони бинтами, чтобы не содрать кожу, затолкал в карманы несколько сигнальных ракет, забросил за спину трофейный автомат, в рожке которого еще оставалась дюжина патронов, и принялся карабкаться по веревке. Гладкий альпинистский шнур скользил в руках, мокрые подошвы оскальзывались на вертикальной корме. Но Виталий упрямо поднимался выше и выше. Еще пару раз подтянулся и осторожно выглянул из-за кормового ограждения. Картина не поменялась. Глубоководный аппарат раскачивался, вращался на подвеске. Теперь стала ясной и причина этого – дергающийся манипулятор. Он не давал северокорей-

цам приблизиться, не позволяя завести «Русского витязя» на мощную подставку. Крановщик в кабине лихорадочно дергал рычаги. Дверца оставалась открытой. Саблин затаился в неосвещенном углу палубы и стал присматриваться. Платформа крана натужно скрипела, расшатанные болты креплений повизгивали.

Командир отчаянно кричал на своих подчиненных, чувствовалось, что они не специалисты по подъему и спуску глубоководных аппаратов. Может, их чему-то и учили перед выполнением задания, но только поверхностно. В лучшем случае, на практику отвели день-два. По сторонам спецназовцы противника особо не глядели. Зазеваешься – снесет на хрен манипулятором или размажет об ограждения многотонным корпусом глубоководного аппарата. Они пытались накинуть на манипулятор трос, опутать его, лишить подвижности.

Одному из спецназовцев удалось разминуться с манипулятором, он поднырнул под брюхо глубоководного аппарата. Но, как оказалось, Марат Петрович среагировал правильно – тут же включил мощные электромагниты, предназначенные для удерживания контейнеров с дробью. Туго притороченный за спиной спецназовца автомат тут же притянуло к тщательно отшлифованной пластине на днище. Боец повис в воздухе. Он никак не мог высвободиться.

Саблин прищурился, план пришлось немного подкорректировать, но суть его осталась прежней. Он вытащил из кармана бинт, размотал его и свил в подобие веревки. Когда платформа слегка повернулась и кабина крановщика оказалась обращенной к нему тыльной стороной, Виталий вскочил на поворотный круг и прижался к моторному отсеку. Его обдавало солярочным дымом. Вентилятор гнал горячий воздух от радиатора, за жестью скрежетали фрикционы лебедки.

Боцман добрался до открытой дверки. Крановщик заметил его в последний момент. Их глаза встретились. Саблин, оглушив, ударил его кулаком по голове и вышвырнул из кабины. Сам сел за рычаги. Как следует управляться с краном, он видел только со стороны, но назначение рычагов знал. Потянул на себя поворотный. Стрела неторопливо пошла влево, унося глубоководный аппарат вместе с извивающимся под ним спецназовцем к борту. В иллюминаторе Виталий увидел лицо Кати, та выглядывала, пытаясь разобраться, что происходит. Виталий даже не знал, успела ли она увидеть, что теперь именно он управляет краном.

Спецназовцы уже заметили подмену крановщика, по Саблину открыли стрельбу. Он упал на дно кабины. Привязал скрученный в веревку бинт к рычагу сброса подвески. Посыпалось стекло. Пули стучали, свистели, прошивали жесть кабины. Стрела медленно поворачивалась. Нос глубоководного аппарата уже вышел за борт. Но при этом кабина поворачивалась к стрелявшим. Из укрытия она превращалась в легкодоступную мишень.

«Больше здесь нельзя расслаживаться», – решил Боцман.

Он скатился на платформу, с нее на палубу, конец бинтового шнура он держал в руке, второй был привязан к рычагу сброса подвески. Стрела продолжала движение. Вот уже треть аппарата оказалась над водой. Дергать было рано. А спецназовцы уже обегали кран, пули ложились совсем рядом. Один из них выскочил из-за платформы, прицелился в Виталия. Саблин был готов к этому, он выстрелил в него сигнальной ракетой. Огненный шар ударил противника в грудь, прожег гимнастерку, вошел в тело, продолжая гореть ярким искристым пламенем. Спецназовец отчаянно кричал и пытался выдрать его руками. Ему вторил товарищ, висевший под днищем широко раскачивающегося глубоководного аппарата.

Виталий мысленно торопил поворачивающийся кран.

– Быстрее! Быстрее!

Спасение друзей казалось близким. Темнота уже сгустилась над морем. Оказавшись на воде, они, конечно же, не могли уйти на глубину, конструкторы такой возможности не предусмотрели. Однако в полупогруженном состоянии с практически бесшумно работающими маневровыми двигателями можно было рассчитывать затеряться в ночных волнах.

Но тут случилось то, чего Саблин боялся больше всего. Он заметил это краем глаза. Командир спецназовцев стал на колени, прицелился и выпустил очередь. Стрелял он метко. Первая очередь ударила в рычаг поворота платформы и выбила его в нейтральное положение. Глубоководный аппарат прекратил движение. Вторая очередь оборвала бинтовую веревку.

Пули ложились совсем рядом. Саблину ничего не оставалось, как прыгнуть за борт, предварительно метнув в сторону противника свето-шумовую гранату. Он вошел в воду ногами, вынырнул и тут же перевалился в надувной катер. Затрещал мотор. Виталий направил потрепанное в предыдущем бою плавсредство в темноту, благо, она окружала транспортник со всех сторон. Послышалась стрельба вдогонку. По волнам шарил прожектор. Саблин, пригнувшись, уводил катер подальше от «717»-го.

Молодой спецназовец открыл глаза:

– Где мы? Что за стрельба? – внезапно вполне отчетливо спросил он.

Голос звучал хрипло. Парень закашлялся, на губах появилась кровь. Оно и неудивительно: в легкие все еще поступала кровь.

– Я тебе потом расскажу, – пообещал Боцман, а сам подумал: «Кажется, жить будет. Если, конечно, нас вовремя подберут».

Саблин обернулся. Освещенный прожекторами транспортник уже казался покачивающейся на волнах Японского моря, упавшей на поверхность звездой. Небо, затянутое тучами, было иссиня-черным. Темнота сгустилась настолько, что Саблин не видел кончиков пальцев вытянутой перед собой руки. Благо, светились циферблат наручных часов и компас, по которому и приходилось ориентироваться в кромешной темноте.

Бензина хватило только на час хода, двигатель чихнул и замер. Наступила тишина, нарушаемая лишь плеском волн о борта. Чувствовалось, что катер медленно сносит течением на юго-запад. Теперь уже от Саблина ничего не зависело, оставалось только ждать. Все, что мог, он сделал, и не его вина, что освободить товарищей не получилось. Раненый боец тихо постанывал во сне – ему Саблин сделал инъекцию обезболивающего. Виталий закинул руки за голову и закрыл глаза. Было понятно, что в ночное время вести поисковые работы не станут...

Рассвет наступал медленно, солнце еле-еле пробивалось из-под низких многослойных туч. Вода отливала темным металлическим блеском. От горизонта до горизонта простирались только волны и ни одного судна. Саблин не сомневался, что поиски уже начались. Наверняка куратор испытаний «Русского витязя» – контр-адмирал Нагибин, бывший ни много ни мало начальником Главного разведывательного управления всего Балтийского флота, отдал соответствующий приказ. Виталий до боли в глазах всматривался в морской простор, но не было видно ни корабля, ни судна. А если бы они и появились вдалеке, то его вряд ли бы кто-то заметил. Наконец чуткий слух подводного пловца засек еле различимый стрекот. Боцман не ошибся. На горизонте показалась черная точка, она разрасталась. Вертолет шел прямо на него. Виталий поднялся и замахал руками.

– Заметили!

Винтокрылая машина зависла над катером. Из открытого люка на подвеске спускался спецназовец. Первым делом на борт подняли раненого, затем пришла очередь и Саблина. Он осмотрелся – что взять с собой, а что можно и оставить. Прихватил трофейный автомат, затем нагнулся и взял плавающую в воде заламинированную фотографию со счастливым улыбающимся корейцем, его семьей и цветущим деревом на фоне размытого городского пейзажа.

Вертолет шел низко над водой.

– Мне нужно срочно связаться с контр-адмиралом Нагибиным, – прокричал кап-лей пилоту.

Тот ответил:

– Связи нет, похоже, всю работу глушилки. Мы даже не смогли доложить другим поисковикам, что вас обнаружили.

В квадратах, где проходили испытания «Русского витязя», искали не только Саблина, но и транспортник «717». В воздухе барражировали самолеты, вертолеты «прочесывали» водное пространство. В поисках были задействованы все находившиеся поблизости военные корабли. Ситуацию усугубляла сильная многослойная облачность – из-за нее невозможно было задействовать спутниковый мониторинг. Захваченный «717»-й бесследно исчез. И никто не мог понять, каким образом подобное могло случиться...

7

Спецназовцам, захватившим «Русского витязя», через час после того, как борт «717» покинул Саблин, все же удалось накинуть трос на гидроманипулятор, опутать его, лишить экипаж возможности защищаться. Теперь вытасненный на палубу глубоководный аппарат лежал, будто мертвый кит. Все видеокамеры спецназовцы закрыли чем-то непрозрачным, занавесили снаружи и правый иллюминатор. Происходящее на палубе экипаж «Русского витязя» мог созерцать только через левый иллюминатор. Видно было немного – два вооруженных автомата спецназовца в северокорейской форме не сводили с глубоководного аппарата глаз.

Кто-то уже забрался наверх и изо всех сил бил кувалдой по входному люку. К разъему проводного переговорного устройства никто так и не подключился. Заточенным внутри никто пока не делал никаких предложений.

– Снаружи можно открыть люк? – спросил Николай Зиганиди.

– Можно, – ответил Плахин. – Но для этого нужно специально разработанное для этого аппарата оборудование. А у них его нет. Кувалда им в этом деле не поможет.

– Неужели они не понимают, что люк, рассчитанный на давление шестикилометрового столба воды, не поддастся кувалде? Долбят так, что голова раскалывается, – Катя произвольно вздрагивала от каждого гулкового удара по люку. – Идиоты.

– Идиоты идиотами, но захватить и транспортник, и нас сумели, – поморщил лоб Зиганиди.

Свет внутри аппарата был выключен, хватало и того, что пробивался от включенных на палубе прожекторов. Плахин показал рукой на монитор. В левом углу виднелась вертикальная шкала, внизу которой краснел, сходя на нет, столбик, похожий на окрашенный столбик спиртового термометра.

– Щелочь в регенераторе воздуха кончается, – сообщил Марат Петрович. – Скоро дышать станет нечем.

– Система вентиляции на аппарате не предусмотрена? – поинтересовался Зиганиди.

– Нет, ни принудительной, ни самотечной, – покачал головой инженер. – Генконструктор решил, что это ослабит корпус. Провентилировать можно, только отдраив входной люк. Но тогда они тут же проникнут внутрь, – Плахин указал взглядом за иллюминатор.

Сабурова криво усмехнулась:

– Глупо получается, задохнуться в глубоководном аппарате, когда он поднят на палубу. Бред какой-то.

– А что мы можем сделать? С этими носителями идей чучхе по-хорошему договориться не получится. Ты посмотри, какие у них глаза, словно у зомби, – Николай пригладил волосы. – А каплей молодец, рискнул и был так близок к победе. Совсем чуть-чуть не хватило.

– Как говорили наши родители во времена СССР: «Чуть-чуть в Советском Союзе не считается», – парировала Катя. – А у нас нет оружия.

Кувалда стучала в люк с регулярностью сошедшего с ума дятла – бум, бум, бум. Каждый удар звонко отдавался в кабине, бил по ушам. Скорее всего, захватившие корабль и не рассчитывали таким образом открыть люк. Просто действовали на психику гидронавтов.

– Воздуха хватит еще максимум на час. Потом начнется кислородное голодание... – предупредил Плахин. – Возникнут видения. Наступит удушье. Мы потеряем сознание. Автоматика настроена так, что после того, как люди, находящиеся в кабине, перестают двигаться, люк отдраивается сам собой. Это на случай, если экипаж потеряет сознание под водой. Тогда аппарат самостоятельно отсоединяет балласт и всплывает. На поверхности происходит проветривание.

– И эту систему нельзя отключить? – спросил Зиганиди.

– Невозможно, – подтвердил Плахин.

– Даже тут мы в полете.

– А ты, Николай, собрался умирать от удушья? – поинтересовалась Катя. – Я еще пожить хочу. В конце концов, сейчас не военное время.

– Предлагаешь выйти прямо сейчас? – ухмыльнулся Зиганиди. – Могу предсказать тебе последствия. Эти парни из Северной Кореи умеют пытаться. Отпускать нас они никогда не отпустят. Иначе им придется признать то, что они уже натворили. Им нужен аппарат и люди, умеющие им пользоваться...

Катя не дала Николаю договорить:

– Я уверена, что к нам уже спешат на помощь. Надеюсь, что успеют. Поэтому и предлагаю держаться до последнего. Тут мы пока в относительной безопасности.

– Согласен.

Плахин немного подумал и тоже согласился с тем, что держаться надо до последнего. После обсуждения положения все замолчали. Тупо била кувалда в люк. Иногда следовали редкие перерывы, наверное, спецназовцы, устав, менялись. А вот караул за иллюминатором не уставал. Иногда показывался и командир группы, он непременно косился в сторону иллюминатора. И хотя в руках у него был фонарик, он ни разу не осветил им в стекло.

Красный столбик внизу шкалы уже превратился в тонкую полосочку толщиной с папиросную бумагу. Катя вздохнула.

– Надеюсь, нашему каплею повезло уйти.

– Повезет и нам, – согласился Зиганиди.

Правда, после этого жизнеутверждающего заявления трижды сплюнул через левое плечо и поискал глазами, чтобы постучать по некрашеному дереву. Плахин подсказал:

– Ни одной деревянной детали на аппарате нет, можете не искать.

И тут на палубе что-то произошло. Что именно, было не понять – слишком мал сектор обзора. Возникла одна яркая вспышка, за ней тут же последовала вторая. Прожектора погасли. Удары по люку прекратились. Скользнула по жилой сфере выроненная кувалда. Затем со стороны кормы темноту уверенно прошли трассеры автоматных очередей. Было слышно, как пули зацепили прочнейший корпус «Русского витязя».

– Помощь пришла? – вскинул брови Зиганиди.

– Надеюсь, – отозвалась Катя.

Плахин молчал, глядя на суетившиеся на палубе тени. Слышались выстрелы, крики.

– Что-то я не слышу русского мата, – и это меня настораживает, – проговорил наконец Николай.

– Русской речи вообще не слышно, – уточнила Катя.

Перестрелка затихла. За иллюминатором по-прежнему было темно. Ничего не разглядишь. Затем по палубе скользнул луч ручного фонарика, его световое пятно выхватило из темноты лежащего навзничь спецназовца в северокорейской форме, затем второго с окровавленной грудью. Кто-то, сжимавший в руке фонарик, подошел к иллюминатору и осветил внутрь. Луч света упал на лицо Кати, она инстинктивно зажмурилась, но тут же подалась вперед. Ей не терпелось увидеть за толстым, способным выдержать давление шестикилометрового столба воды, родное лицо.

Неизвестный перевел фонарь – осветил на себя. Азиатское раскосое лицо, на голове шапка с кокардой японских сил самообороны.

– Что за ерунда? – Николай и Катя переглянулись.

– Сперва корейцы, теперь японцы. Нам не чудится?

– Воздух на исходе, – напомнил Плахин.

– Надеюсь, хоть они стучать кувалдой не продолжают? – засомневалась Сабурова. – Или вы хотите сказать, что японский морской офицер – это уже видение из-за кислородного голодания?

Видение за иллюминатором исчезло. Затем послышалось, как кто-то выбивает чем-то металлическим по люку «морзянку». Николай слушал, наклонив голову. Когда перестук стих, он переспросил у Кати:

– Мне не послышалось?

– Он почти по-русски выстукал: «Кто вы такие?» Стучал, как человек, который просто не знает кириллического письма, и пользуется для аллитерации латинскими буквами. Но это же абсурд! Если япошка обращается к нам по-русски, то зачем тогда спрашивает, кто мы такие!

– Катя, будь политкорректна, не называй их япошками и узкоглазыми, – усмехнулся Зиганиди. – Возможно, они нас уже слушают.

Николай взял гаечный ключ и простучал ответ по люку:

– Мы – русские акванавты.

И тут же заработал динамик – неожиданные освободители поступили грамотно, не отягивая, подключились к разъему проводной связи. Первым делом японский офицер назвался – старшим лейтенантом морских сил самообороны Японии Такэси Кайко.

Говорил он по-русски, но с сильным акцентом, довольно часто коверкал слова. Он утверждал, будто японские силы самообороны в результате радиоперехвата переговоров северокорейцев узнали о том, что ими был захвачен российский транспортник. Вот и пришли на помощь, поскольку находились рядом.

– Мы готовы оказать вам помощь и в дальнейшем, – напомнил Такэси Кайко.

– Нам нужно посоветоваться, – предупредил Зиганиди. – На время мы выключаем связь.

– Итак, что мы имеем, – стала высказывать свое сомнение Катя Сабурова. – Сперва нападение северокорейцев. Японцы почему-то оказываются рядом и, вместо того чтобы передать полученную развединформацию о нападении на транспортник в штаб Дальневосточного флота Российской Федерации, сами начинают нас освобождать, рискуя жизнями своих бойцов. Тебя устраивает логика построения событий? Если говорить обо мне, то – не очень.

– То, что они оказались рядом, в этом ничего странного нет, – отозвался Зиганиди. – Наверняка японцы усиленно отслеживали испытания «Русского витязя» в нейтральных водах, да мы особо с ним и не прятались. Проект наполовину гражданский. Вот и крутились они рядом, думаю, на подлодке. Шпионили. А с Северной Кореей у японцев свои счета. После того как Пхеньян раз за разом стал бездарно испытывать свои баллистические ракеты, которые падают куда ни попадая, япошки глаз с них не сводят. Следят за каждым шагом.

– Японцы, а не япошки, – поправила Катя Зиганиди. – Сам не отличаешься политкорректностью.

– Замечание принято. Ну, а то, что их командование приняло решение самостоятельно освободить захваченный корейцами российский корабль, то на это есть сотня оправданий. Это неплохой политический бонус, особенно в здешнем регионе. Не забывай, как остро они реагируют на проблему Курильских островов. Пропагандистская польза от того, что японцы оказались тут проворнее наших, поднимет престиж Японии и их сил самообороны в глазах всего мира. Тут уж можно рискнуть жизнями пары бойцов. Игра стоит свеч, поскольку Токио получит небольшой рычажок давления на Российскую Федерацию.

– Итак, ты считаешь, что нам можно выходить? – поинтересовалась Катя.

– Похоже, что так.

– А где гарантии?

– Гарантии чего? К тому же гарантии дает только полный страховой полис. И только в том случае, если страховая компания пристойная.

– Воздух кончается, – напомнил Плахин. – И потому выход только один.

– Я не люблю ошибаться. Иногда это мучительно больно, – проговорила Катя. – Но другого выхода у нас нет, вы правы.

– Мы пробудем в их компании не слишком долго, – пообещал Зиганиди. – Они обязаны проинформировать штаб Дальневосточного флота. Все-таки военные, а не сомалийские пираты. Японцы – цивилизованные люди, придерживаются правил. Вот только очень они любопытные. Не исключаю, что освободили нас, чтобы иметь возможность немного поинтересоваться «Русским витязем», и это плохо.

– Внутрь глубоководного аппарата они не попадут, – пообещал Плахин. – Люк после нашего выхода можно будет открыть, только зная код. Вы немного заговорите им зубы, я пойду последним.

– Итак, – подытожила Катя. – Выходим? Решено?

И Марат Петрович, и Николай согласились. Зашипела пневматика, затем Зиганиди вручную отдраил люк.

– Извини, Катя, но сейчас не тот случай, чтобы пропускать даму вперед. – Он выбрался первым.

Встал, посмотрел с высоты глубоководного аппарата. Увиденное впечатляло: снесенная взрывом радиорубка, живописно лежавшие на палубе немногочисленные трупы северокорейских спецназовцев. У борта «717»-го виднелось несколько надувных десантных катеров. За ними просматривалась небольшая подлодка с военно-морским японским флагом. На подходе к транспортнику находился и большой портовой буксир, тоже, кстати, военный, японский, если судить по флагу.

– Выходим. – Николай подал руку Кате, помог ей выбраться наружу.

– Ты только не спеши, – посоветовала Сабурова.

Внизу их уже поджидал улыбающийся старлей Такэси Кайко в окружении своих узкоглазых бойцов. Плахин выбрался последним, переглянулся с Катей, она его поняла. Конечно же, Сабурова могла бы и без посторонней помощи легко спуститься на палубу, но она изобразила нерешительность, словно боялась спрыгнуть с метровой высоты. Японский старлей галантно подал ей руку. Катя осторожно спустилась. За это время Плахин имел возможность закрыть люк «Русского витязя» и надежно заблокировать его, введя код.

– На них лучше не смотреть, – предупредил старлей Такэси Сабурову, он стал так, чтобы максимально закрыть собой вид мертвых северокорейских спецназовцев. – Трупы мы вскоре уберем.

– Нам надо связаться со штабом Дальневосточного флота, – напомнил Николай Зиганиди.

– Сделаем это сразу же, как только появится связь, – расплылся в широкой улыбке японский старлей. – Сейчас она отсутствует. Действуют глушилки. Есть предположение, что это дело рук северокорейской авиации. – Он задрал голову, глянул на укрытое тучами небо. – Их самолеты над нами.

Тем временем к «717»-му уже подошел буксир, с его борта забросили буксировочные канаты.

– Ваши дальнейшие планы? – поинтересовалась Катя.

– Силовая установка вашего корабля повреждена, как и рулевое управление. А у меня нет специалистов, чтобы их восстановить. Своим ходом вы не сможете идти, да еще без экипажа. Мы отбуксируем вас до российских территориальных вод. Или же до первого российского корабля, который сможет взять вас на буксир. Это все, что мы можем для вас еще сделать. Я не имею права оставлять вас без охраны. Нападение может повториться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.